Статьи. Исследования

Андреас Умланд

Шведский институт международных отношений, Стокгольм, Швеция
ORCID: 0000-0001-7916-4646

Постсоветский украинский правый радикализм в сравнительной перспективе

doi: 10.22394/2074-0492-2021-2-80-116

Резюме:
В электоральном отношении партийно-политический ультранационализм в постсоветской Украине имеет слабые позиции. Три основные политические силы, ВО «Свобода», «Правый сектор» и «Национальный корпус», несмотря на возросшую общественную известность после Евромайдана 2013–2014-х годов и подъем националистических настроений среди населения Украины, остались политически мар-

Умланд Андреас — доктор философии, научный сотрудник Стокгольмского центра восточноевропейских исследований Шведского института международных отношений. Научные интересы: сравнительная политика, постсоветский переходный период, международные отношения, национализм, фашизм. E-mail: andreas.umland@ui.se
Данная статья является результатом проекта «Коллективные действия негосударственных вооруженных группировок в украинском конфликте: сравнение пророссийских и украинских негосударственных вооруженных группировок», финансируемого Фондом Фольксваген, Германия. См.: app.dimensions.ai/details/grant/grant.4974241. Проект также получил поддержку от Accommodation of Regional Diversity in Ukraine (ARDU): исследовательского проекта, финансируемого Научным советом Норвегии (программа NORRUSS Plus). См.: blogg.hioa.no/ardu/category/about-the-project/.
Acknowledgments: This article is the result of the project “Collective Action by Non-State Armed Groups in the Ukrainian Conflict: Comparing Pro-Russian and Ukrainian Non-State Armed Groups”, funded by the Volkswagen Foundation, Germany. See: app.dimensions.ai/details/grant/grant.4974241. The project also received support from Accommodation of Regional Diversity in Ukraine (ARDU): a research project funded by the Scientific Council of Norway (NORRUSS Plus program). See: blogg.hioa.no/ardu/category/about-the-project/.

гинальными. Ни потеря Крыма, ни война на Донбассе не повысили электоральную поддержку радикальных националистических группировок. Напротив, кандидат в президенты и партийный список объединенных ультраправых получили позорные результаты на президентских и парламентских выборах 2019 года. И это несмотря на то, что большинство соответствующих групп с 2017 года демонстративно и целенаправленно сотрудничают друг с другом, чтобы, например, избежать раскола националистического электората, как это было на парламентских выборах 2014 года. Однако в условиях продолжающейся гибридной войны России против Украины ультраправые активисты, иногда связанные с ультранационалистическими политическими партиями, получили большее признание в украинской общественности. Деятельность антидемократических неправительственных организаций и их периодическое сотрудничество с украинским государством требуют тщательного мониторинга. В этой статье дается обзор развития праворадикального политического спектра Украины до и после Революции достоинства. В библиографии приведена большая часть научной литературы на эту тему на украинском, английском, русском и немецком языках.

Ключевые слова: ультранационализм, Украина, правый радикализм, негражданское общество

Andreas Umland[1]

Swedish Institute of International Affairs, Stockholm, Sweden

Post-Soviet Ukrainian Right-wing Radicalism in a Comparative Perspective

Abstract:
Party-political ultranationalism was and still is unusually weak, in electoral terms, in post-Soviet Ukraine. The three main political forces, the All-Ukrainian Union "Svoboda," the Right Sector, and the National Corps, have—despite increased public awareness about them and growing general nationalist sentiments among the population of Ukraine—remained politically marginalized after the 2013-2014 Euromaidan. Neither the loss of Crimea nor the war in Donbas have increased the electoral support of radical nationalist groups. On the contrary, the united far right's presidential candidate and party list received embarassing results in the 2019 presidential and parliamentary elections. That was, moreover, in spite of the fact that most of the relevant groups have, since 2017, been demonstratively and purposefully cooperating with each other in order to, for instance, avoid a split of the nationalist electorate, as had been the case in the 2014 parliamentary elections. However, in the context

1 Andreas Umland — Dr. phil., Ph. D., Research Fellow, Stockholm Centre for Eastern European Studies, Swedish Institute of International Affairs. Research interests: comparative politics, post-Soviet transitions, international affairs, nationalism, fascism. E-mail: andreas.umland@ui.se

of Russia's ongoing "hybrid war" against Ukraine, ultra-right activists (sometimes associated with ultra-nationalist political parties) have gained greater recognition among the Ukrainian public since 2014. The activities of anti-democratic non-governmental organizations and their periodic cooperation with the Ukrainian state require careful monitoring. This article provides an overview of the development of the right-wing radical political spectrum in Ukraine before and after the "Revolution of Dignity." The bibliography contains most of the relevant academic literature on this topic in Ukrainian, English, Russian, and German.

Keywords: ultranationalism, Ukraine, right-wing radicalism, uncivil society

Вопреки распространенным стереотипам, партийный радикальный национализм в независимой Украине остается относительно слабой политической силой в общенациональном масштабе [Умланд 2008]. На протяжении большей части постсоветской истории Украины ультранационалистические партии в отличие от умеренных и однозначно прозападных националистов почти никогда не добивались успехов на выборах национального уровня[1]. За последние три десятилетия украинское общество столкнулось с серьезной социальной, экономической и международной напряженностью [Dyczok 2000; Lushnycky, Riabchuk 2009; Aslund 2009; D'Anieri 2010]. Националистические лозунги обрели известность и легитимность во время событий 2004 года, вошедших в историю как «Оранжевая революция» [McFaul, Aslund 2006; Wilson 2006; Flikke, Kisselyov 2006; D'Anieri, Kuzio et al. 2007]. Так называемая Революция достоинства 2013–2014-х годов, будучи демонстративно проевропейской, тем не менее имела аналогичные «национализирующие» эффекты [Shekhovtsov 2013b]. Кроме того, она предоставила широкие возможности для пропаганды крайне правых групп, чьи представители и символы (флаги, наклейки, лозунги и т.д.) были видны не только на площади Независимости Киева, но и по всей стране [Wilson 2014; Marples, Mills 2015; Stepanenko, Pylynskyi 2015; Hale, Orttung 2016; Wynnyckij 2019]. Радикальные этноцентристы, несмотря на то что они не формировали идеологическую повестку, не доминировали политически и не имели организационно решающего значения, являлись одной из составных частей восстания, которое стало известно как Евромайдан [Risch 2015; Shekhovtsov 2015; Ліхачов 2018].

1 Более крупные обзоры включают в хронологическом порядке: [Кулик 1999; Kuzio 2007; Украинские правые экстремисты… 2013; Umland 2013c; Umland, Zaitsev 2015; Нахманович 2016; Васильчук 2018; Ліхачов 2021].

С 2014 года важным, если не главным фактором, который повысил восприимчивость украинского общества к различным формам национализма, включая его радикальные формы, стало вмешательство России на Юго-Востоке Украины [Wood et al. 2016; Toal 2016; Beichelt, Worschech 2017; Soroka, Stepniewski 2018; Kuzio, D'Anieri. 2018; Averre, Wolczuk 2019; D'Anieri 2019]. Инициированный Москвой вооруженный конфликт в Донецком бассейне оценивается экспертами как «делегированная межгосударственная война» России против Украины [Hauter 2019]. Можно предположить, что создание благодатной почвы для политической радикализации и этноцентристской мобилизации патриотических частей — и, таким образом, разложение — украинской политической нации было (и остается) одним из инструментов российской стратегии, нацеленной против постмайданной Украины [Hosaka 2019; Mykhnenko 2020].

И действительно, внутриукраинское противостояние по вопросу о том, как адекватно реагировать на действия Кремля, разделяет украинское политическое пространство и открывает точки входа для экстремистов [Umland 2016]. Но в отличие от Италии и Германии 1920-х или Сербии и России 1990-х значимые территориальные и другие потери страны с 2014-го года пока не привели к созданию мощного украинского ультранационалистического движения [Bakic 2013; Stojarová 2016; Kailitz, Umland 2017; 2019]. Вместе с тем очевидно, что, хотя крайне правые партии и остаются политически слабыми, радикально националистические политики и этноцентристские неправительственные организации стали к началу 2021 года более публичными, чем десять лет назад.

Действия Кремля против украинского государства до и после Евромайдана являются основными, но не единственными факторами, определяющими распространение правого экстремизма в современной Украине [Likhachev 2018b]. Социологи уже давно сообщали о значимом распространении ксенофобских настроений среди украинского населения, которые с течением времени только росли [Панина 2006; Паниотто 2008]. Кроме того, существует широкий спектр радикально националистических концепций, теорий заговора и этноцентристских идей, уходящих корнями как в досоветскую и советскую, так и в раннюю постсоветскую истории Украины [Dymerskaya-Tsigelman, Finberg 1999; Rudling 2019].

Среди них главную роль играла и играет популярная мифология о «жидобольшевизме», т.е. антисемитская конспирология о якобы решающей роли евреев и иудаизма в подъеме и правлении левых радикалов во всем мире [Luks 2004; Hanebrink 2018]. Определенные межвоенные и националистические традиции Второй мировой войны развивались в украинских диаспорах в Западной Европе и Северной Америке [Yurchuk 2017; Химка 2019; Rudling 2021]. В част-

ности, эмигрантские группы, вышедшие из изначальной Организации украинских националистов, созданной в 1929 году, вступили в контакт со своей родиной [Липовецький 2010; Панченко 2011; Rudling 2013]. Некоторые из этих — частично либеральных, частично интегральных — националистических идей после 1991 года были привезены в Украину активистами-репатриантами. Тем не менее на национальном уровне украинские крайне правые с треском провалились на всех президентских и почти на всех парламентских выборах, будь то в 1990-х, начале 2000-х годов или после Евромайдана [Kubicek 1999]. Стабильно низкие или ничтожные результаты, которые показывают крайне правые партии, союзы и кандидаты на национальных выборах с 1991 года и по сей день, являются характерной особенностью украинской постсоветской политики (таблица 1) [Umland 2008b].

Электоральная слабость и низкая политическая легитимность украинских ультранационалистов и с исторической, и со сравнительной точки зрения удивительны [Шеховцов 2013b]. Они особенно примечательны на фоне успешного подъема ультранационалистов и роста влияния различных популистских и крайне правых партий во многих других странах Восточной Европы и в ряде стран Западной Европы. Таковы, нпример, ЛДПР в России, Радикальная партия Сербии, «Национальный фронт» во Франции, «Северная лига» в Италии и т.д.[1]

Даже в условиях, когда значительная часть русскоговорящего и явно не украиноцентристского электората Украины в Крыму, на Донбассе и в России из-за российско-украинской войны не могла участвовать в президентских и парламентских выборах 2014 и 2019 годов, эти дополнительные благоприятные условия не привели к избирательному прорыву украинского партийного ультранационализма. Сохраняющаяся общеполитическая незначительность правого экстремизма в законодательной и исполнительной ветвях центральной власти Украины привела, среди прочего, к тому, что академические исследования его современных проявлений остаются недостаточными [Umland 2013b]. Эта ситуация контрастирует с всё более широким освещением украинского интегрального национализма межвоенного и военного времен и памяти о нем в независимой Украине [Zaitsev 2013; Rossoliński-Liebe 2014; Zaitsev 2015a,

1 Среди сравнительных исследований европейских крайне правых, которые в отличие от большинства других подобных исследований включают рассмотрения постсоветских украинских ультранационалистов, см.: [Ramet 1999; Шеховцов 2011; Mammone, Godin, Jenkins 2012; Wodak, Mral, KhosraviNik 2013; Wodak, Richardson 2015; Polyakova 2015b; Minkenberg 2015; Bustikova 2019].

2015b; Härtel 2015; Radchenko 2015; Struve 2015; Shkandrij 2015; Gomza 2015; Rudling 2016a; McBride 2016; Rudling 2017; Hrytsak 2017; Yurchuk 2017; Adamski 2017; Bauerkämper, Rossoliński-Liebe 2017; Coleman, Hrytsak et al. 2017; Petrenko 2018; Grelka, Radchenko 2019; Rossoliński-Liebe 2020].

Таблица 1. Электоральные показатели украинских крайне правых партий на президентских выборах и пропорциональных частях парламентских выборов в 1998-2019 гг. в процентном отношении (Заштрихованные строки: президентские выборы) [Umland 2014]

Партия/союз	Блок «Национальный фронт» (КУН, УКРП & УРП) / УРП/КУН	УНА[1] / УНА-УНСО / ПС	Блок «Меньше слов» (ВПО-ДСУ & СНПУ) / ВОС
Выборы			
1998 (парламентские)	2,71 («Нацфронт»)	0,39 (УНА)	0,16 («Меньше слов»)
1999 (президентские)			
2002 (парламентские)		0,04 (УНА)	
2004 (президентские)	0,02 (Козак, ОУН)	0,17 (Корчинский)	
2006 (парламентские)		0,06 (УНА)	0,36 (ВОС)
2007 (парламентские)			0,76 (ВОС)
2010 (президентские)			1,43 (Тягнибок)

1 Встречающиеся в таблице аббревиатуры: ВОС — *Всеукраїнське об'єднання «Свобода»* (Всеукраинское объединение «Свобода»), ВПО-ДСУ — *Всеукраїнське політичне об'єднання «Державна самостійність України»* (Всеукраинское политическое объединение «Государственная независимость Украины»), КУН — *Конгрес українських націоналістів* (Конгресс украинских националистов), ОУН — *Організація українських націоналістів* (Организация украинских националистов), ПС — *Правий сектор* (Правый сектор), СНПУ — *Соціал-національна партія України* (Социал-национальная партия Украины), УКРП — *Українська консервативна республіканська партія* (Украинская консервативная республиканская партия), УРП — *Українська республіканська партія* (Украинская республиканская партия), УНА — *Українська національна асамблея* (Украинская национальная ассамблея), УНСО — *Українська народна самооборона* (Украинская народная самооборона).

2012 (парламентские)		0,08 (УНА — УНСО)	10,44 (ВОС)
2014 (президентские)		0,70 (Ярош)[1]	1,16 (Тягнибок)
2014 (парламентские)	0,05 (КУН)	1,81 (ПС)	4,71 (ВОС)
2019 (президентские)			1,62 (Кошулинский)
2019 (парламентские)			2,15 (ВОС)**[2]

Кратковременный подъем «Свободы» в 2012-2014-х годах

За постсоветский период всего два года одна крайне правая партия, Всеукраинское объединение «Свобода» во главе с Олегом Тягнибоком, имела небольшую фракцию в однопалатном национальном законодательном органе Украины — Верховной Раде (Верховном Совете) с 12 декабря 2012-го по 27 ноября 2014 года, получив 37 из 450 мест в парламенте [Shekhovtsov 2013a]. В течение примерно девяти месяцев у «Свободы» было помимо этого несколько министров в первом постреволюционном правительстве Украины в период с конца февраля до конца ноября 2014 года. На тот момент это обстоятельство вызывало международное беспокойство среди прочего в связи с известными антисемитскими тенденциями в «Свободе» [Лихачев 2013].

Тем не менее относительный успех «Свободы» с результатом в 10,44% в октябре 2012 года и ее включение в первое правительство после Евромайдана оказались единственным коротким и в целом непоказательным таким эпизодом. Кроме того, относительный успех крайне правых в 2012-2014-х годах был следствием особых политических условий того времени [Likhachev 2013b]. Специфические обстоятельства, как вскоре выяснилось, временного подъема «Свободы», а также особенности ее электората (относительно образованные проевропейские городские жители) уже тогда (в октябре 2012 года) указывали на то, что ее относительно высокая поддержка

1 На президентских выборах 2014 года Дмитрий Ярош формально баллотировался как независимый кандидат, однако он был публично известен как лидер ПС.

2 Избирательный список «Свободы» для парламентских выборов 2019 года объединил представителей всех более или менее значимых украинских крайне правых политических партий, но был официально зарегистрирован как список только ВОС.

среди украинских избирателей была скорее исключительным, нежели симптоматичным явлением [Белицер 2013].

Краткое продвижение «Свободы» в политику на национальном уровне было частично спровоцировано активизацией российской медиа-кампании и дипломатической активности, направленной против поворота Украины на Запад в результате «Оранжевой революции» и избрания умеренного националиста Виктора Ющенко президентом в конце 2004 года[1]. Временный взлет «Свободы» также можно частично объяснить организационным беспорядком в национал-демократическом лагере, парламентские фракции которого в 2007-2012-х годах имели достаточно мандатов для формирования большинства в Верховной Раде. Тем не менее «оранжевые» силы (названные так в память о восстании 2004 года) не смогли удержать часть своих депутатов в своих фракциях после того, как весной 2010 года потеряли президентство и к власти пришел Виктор Янукович [Umland 2010].

37 мест «Свободы» в Верховную Раду после парламентских выборов 2012 года были, прежде всего, реакцией на пророссийскую деятельность различных членов нового украинского правительства с 2010 года [Likhachev 2013a]. Своей откровенно пророссийской культурной и внешней политикой новоизбранный президент Виктор Янукович и его команда в течение почти двух лет радикализировали большую часть патриотического, в том числе и неэкстремистского электората Украины [Moser 2013]. Более того, в 2010-2012 гг. предпринимались попытки политтехнологов Януковича искусственно увеличить присутствие в СМИ тогда еще внепарламентских украинских крайне правых, в первую очередь представителей ВО «Свобода», для того чтобы разделить общий украинский патриотический электорат и партийный спектр, получив в виде «Свободы» удобного спарринг-партнера для будущих выборов [Umland 2011; Атанасов 2011; Щербина 2011; Шеховцов 2013a].

В то же время ряд национал-демократических депутатов, которые прошли в парламент в 2007 году по закрытым спискам прозападных блоков «Наша Украина — Народная самооборона» и Юлии Тимошенко, обманули своих избирателей в 2010 году после того, как Янукович стал президентом. Весной-летом 2010 года эти так называемые «тушки» перешли в новую правящую коалицию, поддерживающую кабинет пророссийски и евроскептически настроенного премьер-министра Николая Азарова, хотя их избирали как представителей

1 О различных аспектах этого феномена см. [Umland 2009; Motyl 2012; Meister 2016].

«оранжевых» политических блоков Ющенко и Тимошенко[1]. На этом фоне одно из ключевых предвыборных обещаний «Свободы» 2012 года (и, следует отметить, должным образом реализованное обязательство) заключалось в том, что ее кандидаты в депутаты в случае избрания в Раду не предадут своих избирателей [Likhachev 2013c].

После победы Революции достоинства в начале 2014 года «Свобода» с несколькими министрами вошла в первый переходный кабинет министров Арсения Яценюка после Евромайдана. Это опять-таки произошло из-за явных разногласий в «оранжевом» лагере. Включение «Свободы» в новое правительство явилось, в частности, результатом расхождений между двумя основными национально-демократическими фракциями: Всеукраинским союзом «Батькивщина» (Отечество), с одной стороны, и «УДАР» (Украинский альянс за демократические реформы) — с другой. Распри среди национал-демократов в итоге привели к исключению УДАРа из постреволюционного временного правительства, хотя лидер этой партии Виталий Кличко был активным участником Евромайдана и на момент победы революции самым популярным политиком Украины. Чтобы избежать однопартийного кабинета, в конце февраля 2014-го «Батькивщина» передала «Свободе» четыре правительственных поста: должности министра обороны (Игорь Тенюх), министра аграрной политики и продовольствия (Игорь Швайка), министра экологии и природных ресурсов (Андрей Мохник), одного вице-премьера (Александр Сыч), а также Генерального прокурора.

В течение следующих девяти месяцев «Свобода» Тягнибока во многом следовала в фарватере национал-демократов в правительстве. Например, министр обороны от «Свободы» Игорь Тенюх (который подал в отставку уже в конце марта 2014 года) согласился и поддержал спорное решение украинского руководства не противостоять насильственной аннексии Крыма Россией в феврале-марте 2014 года военным путем — позиция, которая неоднократно критиковалась разными праворадикальными активистами. В сентябре 2014 года парламентская фракция «Свобода» единогласно проголосовала за ратификацию Соглашения об ассоциации Украины с ЕС — необычное поведение для европейской крайне правой партии.

Это и ряд других обстоятельств обусловили некий сдвиг тогдашней «Свободы» в сторону политического центра во время и после Евромайдана. Дальнейшие благоприятные для украинских этноцентристов изменения в составе общего электората Украины про-

1 Термин «тушки» (предатели своих мандатов) не следует путать с «титушками» (политическими головорезами) — лейблом, который появился позже, с другой этимологией и другим значением.

изошли в результате аннексии Крыма и войны на Донбассе, приведших к исключению из голосования миллионов избирателей, которые вряд ли когда-либо проголосовали бы за украинские этноцентристские партии. Тем не менее «Свобода» потеряла более половины поддержки в процентном выражении на парламентских выборах в октябре 2014 года по сравнению с ее результатом на предыдущих выборах в Верховную Раду в октябре 2012 года [Shekhovtsov 2014]. С результатом в 4,7% она не прошла пятипроцентный барьер и получила лишь несколько парламентских мест в 8-й Верховной Раде 2014-2019-х годов по одномандатным округам.

На следующих парламентских выборах в июле 2019 года избирательная поддержка «Свободы» вновь сократилась более чем вдвое и составила всего 2,15%. Это произошло, несмотря на упомянутое выше благоприятное для ультранационалистов изменение состава голосующего населения Украины в 2014 году, пять лет войны с Россией и, в отличие от октября 2014 года, успешное формирование единого списка крайне правых сил, который включил все релевантные украинские этно-центристские партии (таблица 1). Таким образом, по состоянию на начало 2020 года ультраправое политическое движение Украины в целом и ведущая украинская ультранационалистическая партия в частности снова оказались на позициях, на которых они находились в середине 2000-х годов после ребрендинга бывшей Социал-национальной партии (СНПУ) во Всеукраинское объединение «Свобода».

Полномасштабная революция, межгосударственная война, территориальные потери и другие проблемы Украины, возникшие в результате Евромайдана, как это ни парадоксально, не помогли украинскому партийному ультранационализму на электоральном поле. Вместо этого коренные изменения украинского общества с конца 2013 года привели к (или по крайней мере не помешали) новой относительной общенациональной маргинализации украинских праворадикальных партий в результате парламентских выборов 2014 и 2019-х годов [Bertelsen 2016].

Украинский ультранационалистический потенциал

Тем не менее, если говорить о постсоветском правом экстремизме, Украина не является исключением во всех отношениях, поскольку она, как и большинство европейских стран, имеет дифференцированный спектр соответствующих партий, который начал появляться уже в конце 1980-х годов [Nahaylo 1994; Бендза 1997; Kuzio 1997; Solchanyk 1999; Андрющенко 2011]. Как и в других ультраправых партиях по всему миру, антисемитизм был и остается характерной чертой дискурса некоторых их этих групп [Rudling 2012]. С 1991 года

около десятка более или менее радикальных националистических политических организаций приняли участие в национальных, региональных и местных выборах (таблица 1) [Васильченко 2013]. Иногда они создавали союзы либо друг с другом, либо с более умеренными партиями в избирательных целях [Mierzejewski-Voznyak 2018]. Кроме того, крайне правые в той или иной мере участвовали во всех трех недавних так называемых революциях в Украине: «Революции на граните» 1990 года, «Оранжевой революции» 2004 года и в «Революции достоинства» (Евромайдане) 2013-2014-х годов [Kowal, Mink et al. 2019].

В руководстве крайне правых группировок Украины был и остается ряд видных персонажей с общенациональным признанием. Среди них

- Юрий Шухевич, сын командующего УПА 1943-1950-х годов Романа Шухевича[1];
- Дмитрий Корчинский, яркий радикальный активист, часто выступающий в СМИ[2];
- Олег Тягнибок, лидер «Свободы» и кандидат в президенты в 2010 и 2014-х годах;
- Дмитрий Ярош, один из основателей «Правого сектора» и кандидат в президенты в 2010 году;
- Андрей Билецкий, один из основателей батальона «Азов» и руководитель партии «Национальный корпус»;
- Руслан Кошулинский, зампредседатель 7-й Верховной Рады от «Свободы» и кандидат в президенты в марте 2019 года[3].

Помимо относительного успеха «Свободы» на парламентских выборах 2012 года украинские крайне правые также имели успехи на региональных и местных выборах и в ряде одномандатных округов во время парламентских выборов, особенно в Галиции [Shekhovtsov 2011; Olszański 2011]. Более того, как и ультранационалисты в других европейских странах, крайне правые уже с 1990-х годов имели своих представителей в культурной, интеллектуаль-

1 УПА (Українська повстанська армія) — Украинская повстанческая армия, крупное националистическое антисоветское движение на Западной Украине 1940-х годов. О культе Романа Шухевича в постсоветской Украине см. [Rudling 2016b]; его апологетическую биографию в [Ісаюк 2015].

2 О Корчинском см. [Умланд 2016].

3 Надлежащая оценка фигуры Андрея Парубия — открыто ультранационалистического активиста Социал-национальной партии Украины (СНПУ) в 1990-х годах, который, однако, с середины 2000-х годов сместился в политический центр и, в конечном итоге, стал спикером украинского парламента в 2016-2019 гг. — потребовала бы отдельного эмпирического исследования и политического обсуждения. Об СНПУ см.: [Iovenko 2015].

ной и молодежной жизни, в частности, благодаря псевдонаучной расистской публицистике или растущей неонацистской музыкальной сцене [Ivakhiv 2005; Rudling 2006; Галушко 2008; Бідочко 2013; Polyakova 2015a]. В целом различные формы более или менее радикального — хотя в основном либерального, а не интегрального — национализма с 2014 года постепенно завоевывали популярность в украинском обществе, включая его русскоговорящие части [Kulyk 2014].

Иногда крайне правые партии и их лидеры соревновались между собой, например, во время президентских и парламентских выборов 2014 года. В других случаях, напротив, они сотрудничали (или по крайней мере не конкурировали) друг с другом, как во время президентских и парламентских выборов 2019 года. В 2017 году три основные ультраправые партии — «Свобода», «Национальный корпус» и «Правый сектор» — вместе с некоторыми другими менее значительными группами провели широко разрекламированный совместный конгресс и вместе приняли «Национальный манифест», который освещался не только в украинских, но и в международных средствах массовой информации [Umland 2019b].

Крайние правые так же, как и другие украинские политические лагери, иногда страдали от внутренней борьбы и расколов, а иногда объединялись, в результате чего в постсоветской Украине всегда существовал разнообразный спектр ультранационалистических организаций и ассоциаций. Хотя не все значимые партии участвовали во всех выборах, в целом у Украины никогда не наблюдался дефицит электорального предложения разнообразных форм политического экстремизма. Скорее, проблемой украинских правых радикалов было и остается отсутствие значимого спроса большинства граждан Украины на крайне националистическую идеологию, риторику и политику [Shekhovtsov, Umland 2013]. На большинстве общенациональных выборов лишь небольшая или очень небольшая часть избирателей голосовала за те или иные крайне правые группы или кандидаты [Bustikova 2015].

Новым потенциальным ресурсом для ультранационалистов после Революции достоинства стал гораздо более легкий доступ к оружию, в том числе тяжелому [Ferguson, Jenzen-Jones 2014; Karmanau 2016; Martyniuk 2017; Buscemi, Duquet et al. 2018]. Тем не менее и этот ресурс оказался непригоден для внутриполитических целей[1]. В 2014 году все ведущие ультранационалистические партии организовали добровольческие батальоны, которые вышли на передовую [Shekhovtsov 2019a; Fedorenko, Umland 2019]. Тем самым они, как

1 Мои наблюдения противоречат наблюдениям Хусейна Алиева [Aliyev 2018].

и многие другие части украинского общества, быстро и более или менее законно получили доступ к огнестрельному оружию и боеприпасам [Heinemann-Grüder 2019; Zajaczkowski 2019]. Некоторые, как полк «Азов», также получили в распоряжение бронетехнику и артиллерию [Bezruk, Umland 2015]. Тем не менее использование этого оружия новыми военизированными формированиями, в том числе и теми, которые были созданы крайне правыми активистами во внутриполитических целях, — своего рода «веймарский сценарий», которого многие опасались в 2014 году, — остается на 2021 год табуированным в Украине[1].

Существует ряд других внутренних тенденций, связанных с войной, которые способствуют или могли бы способствовать политическому подъему правого радикализма, такие как возникновение народных и нередко националистически настроенных муниципальных дружин для поддержания местного правопорядка после 2014 года [Shukan 2020]. Были случаи, когда различные отдельные правые группы применяли огнестрельное оружие в локальных политических или экономических стычках. Тем не менее до начала 2020 года эти эпизоды оставались исключениями: они не меняли кардинальным образом жизнь крупных городов и остались скорее признаками локальных проблем, чем индикаторами национального политического восхождения крайне правых. Украинское правительство и гражданское общество в целом до сих пор успешно предотвращали применения оружия на улицах Киева и региональных центров.

Этноцентристское «негражданское общество»

Таким образом, после Евромайдана многие украинские ультраправые активисты с политическими амбициями были вынуждены ограничиться региональной и местной избирательной политикой или оставаться в рамках того, что в течение последних 30 лет стало называться в международных сравнительных исследованиях правого радикализма «негражданским обществом» [Kopecky, Mudde 2012]. Этот термин обозначает категорию социальных групп, ассоциаций или сетей, которые не действуют как коммерческие или партийные организации, и поэтому могут рассматриваться как часть гражданской сферы [Boyd 2004]. В то же время идеи, цели, сети

1 Об украинских добровольческих батальонах в целом см. [Sergackova 2015; Puglisi 2015a; 2015b; Пуглизи 2015; Malyarenko, Galbreath 2016; Karagiannis 2016; Гладка, Громаков и др. 2016; Martsenyuk, Grytsenko, Kvit 2016; Käihkö 2018; Hunter 2018].

и действия этих «негражданских» НПО прямо или косвенно являются антидемократическими [Piotrowski 2009]. Некоторые из них готовы использовать силу и даже оружие [Payne 2000]. Следовательно, они не продвигают в узком демократическом смысле гражданские ценности, основанные на равноправии, толерантности и плюрализме [Chambers, Kopstein 2001].

Такие «негражданские» НПО могут помогать своим членам, подобно обычным гражданским организациям, развивать организационные, интеллектуальные, риторические, эмоциональные и другие навыки, а также создавать точки входа в политику и карьерные лестницы для активистов [Berman 1997]. Но по мере того как эти способности и достижения развиваются в группировках, не поддерживающих либеральную демократию и не способствующих ее функционированию, приобретенные умения и связи в таких НПО вредят демократическому развитию общества [Pedahzur, Weinberg 2001]. Поэтому, когда лидерам или членам «негражданской» организации удается войти в официальную политику, есть вероятность, что они будут использовать опыт и контакты, накопленные в подобных НПО, чтобы подорвать, а не поддержать демократический строй страны [Umland 2008a].

На протяжении почти всей украинской постсоветской истории большинство крайне правых активистов вообще не имели доступа к официальному политическому полю или же только временно в него входили[1]. Однако они участвовали и продолжают участвовать в различных НПО, и делают это особенно активно после 2014 года, когда гражданское общество в целом стало играть более важную роль в Украине в результате Евромайдана [Falsini 2018; Burlyuk, Shapovalova 2018]. Иногда самопровозглашенные партии превращаются в НПО, оставаясь бесперспективными как политические силы, но продолжая активную публичную жизнь.

Например, такие организации, как «Правый сектор» и «Национальный корпус» выросли из маленьких домайданных полупартийных «группускулярных» ассоциаций, находившихся на краю политического поля Украины[2]. Однако после их медийной раскрутки — не в последнюю очередь в российских и пророссийских СМИ — во время и после Евромайдана эти группки приобрели большие политические амбиции. Это проявилось среди прочего в членстве бывшего лидера «Правого сектора» Дмитрия Яроша и нынешнего лидера «Национального корпуса» Андрея Билецкого (оба, кстати,

1 Об аналогичной ситуации до недавнего времени в Германии см. [Backes, Mudde 2000].

2 О концепции «группускулярные правые» см. [Griffin 2003].

выходцы из Восточной Украины) как депутаты в 8-й Верховной Раде в 2014–2019-х годах.

«Правый сектор» в конце 2013 года вырос из разнородной сети националистических групп, объединившихся вокруг военизированного спортивного клуба «Трезубец Степана Бандеры» под руководством Дмитрия Яроша. Весной 2014 года «Правый сектор» основал нерегулярное вооруженное подразделение «Добровольческий украинский корпус» (ДУК) [Likhachev 2015]. Политическая партия «Национальный корпус» во главе с Билецким была создана более чем через год после Евромайдана и выросла из двух доевромайданных группировок: «Патриота Украины» и Социал-национальной ассамблеи [Umland 2019a]. Их лидеры сформировали летом 2014 года ядро добровольческого батальона «Азов», ветераны и сочувствующие которого основали партию «Национальный корпус» в октябре 2015 года.

Как «Правый сектор», так и «Национальный корпус» в значительной степени приобрели признание и славу благодаря добровольному участию своих членов в войне на Донбассе в 2014–2015-х годах [Лихачев 2016]. Крошечные группки-предшественники «Правого сектора» и «Национального корпуса» едва ли были известны украинцам и ускользнули от внимания даже многих украинских политологов. И все же Ярош, Билецкий и другие бывшие маргинальные активисты с 2014 года стали украинскими национальными героями в результате их широко разрекламированного участия в войне на Донбассе [Likhachev 2016]. Ярош даже получил ранение в бою. Участие крайне правых националистов в войне, часто в составе собственных добровольческих батальонов, привело к значительному увеличению их публичного авторитета, политической легитимности и общей популярности в Украине [Likhachev 2018a].

Но парадоксальным образом резкий рост международной известности и национальной приемлемости украинских ультранационалистов с 2014 года — в том числе в результате активной поддержки телеканалов и сайтов, управляемых Кремлем, — не привел их к электоральным успехам, по крайней мере на общенациональных выборах [Shekhovtsov, Umland 2014]. Можно было ожидать увеличения или, возможно, даже прыжка избирательной поддержки крайне правых после их активного, видного и широко одобряемого участия сначала в Революции достоинства, а потом в российско-украинской войне в 2013–2014-х годах [Fedorenko 2015; Ищенко 2016; Katchanovski 2020]. Напротив, как упоминалось выше, поддержка избирателями «Свободы» на парламентских выборах 2014 года резко упала по сравнению с парламентскими выборами 2012 года и, несмотря на пятилетнюю войну, еще больше уменьшилась

на парламентских выборах 2019 года. Кандидаты в президенты от «Свободы» выступили с еще более скромной поддержкой в менее чем 2% в 2014 и 2019-х годах, т.е. с итогами, подобными результату Тягнибока на президентских выборах в 2010 довоенном году (таблица 1).

Примечательно, насколько стабильной осталась низкая поддержка украинскими избирателями крайне правых партий в два очень разных периода новейшей истории Украины: до и после Евромайдана. Это тем более удивительно, учитывая, что украинское общество с 2014 года находилось в состоянии постоянного психологического и социального стресса в результате непрекращающихся военных действий (хотя в основном низкой интенсивности) на Донбассе, аннексии Крыма и разных невооруженных форм гибридной кремлевской войны против Украины. Можно было ожидать, что это послужит благоприятным фоном для популяризации этноцентристских идей и лозунгов и приведет к росту поддержки ультранационалистических групп. Однако до начала 2020 года в Украине не произошло ничего похожего на потрясающие успехи крайне правых партий в ряде других европейских стран.

Растущая социальная вовлеченность ультраправых

Несмотря на эту относительно позитивную картину и слабость (к началу 2020 года) украинских ультранационалистов по данным национальных опросов общественного мнения, для международных правозащитных и исследовательских структур тщательный мониторинг крайне правой среды в Украине остается актуальным. Украинские ультранационалистические группы пока не имеют и, видимо, в обозримом будущем не будут иметь возможности войти в центральные властные структуры. Однако они остаются заметными в качестве полуполитических публичных организаций и активно участвуют в общественной жизни Украины после Евромайдана [Черемис 2019].

Будучи в значительной степени исключенными из национальной политики, многие ультранационалисты переключились на различные проекты в рамках украинского «негражданского общества» в самых разных областях: от дискуссии об исторической памяти и выступлений против ЛГБТ до борьбы против экологических проблем и за защиту животных [Ганкевич 2017; Nonjon 2018a; Anti-Equality Monitoring 2019a]. Иногда крайне правым группам удается получать различные виды государственной поддержки для своей деятельности, например, в рамках отдельных программ в области безопасности, поддержки ветеранов и образования [Kuzmenko 2018; Anti-Equality Monitoring 2019e; Colborne, Kuzmenko 2019b].

Активное участие многих крайне правых активистов в российско-украинской войне в качестве добровольных солдат снизило их изоляцию, стигматизацию и неприятие в украинском обществе, включая политический и культурный истеблишмент Украины [Буткевич 2018]. Еще до 2014 года среди политической элиты Украины наблюдалась значительная готовность к сотрудничеству с крайне правыми. Это выразилось, например, в частичной кооперации умеренных и радикальных националистов в 7-й Верховной Раде, во время Революции достоинства и в переходном правительстве после Евромайдана [Yakovchenko 2012]. Тем не менее эти союзы были скорее ситуативными и стратегическими, а не постоянными и идейными.

Однако, чем дольше длится вооруженный конфликт Украины с Россией, тем легче одиозные радикалы, даже такие как пресловутая неонацистская группка С14, могут интегрироваться в украинскую публичную жизнь [Штогрін 2018]. Не только в политическом и социальном, но и в культурном и ментальном плане расстояние между политическим центром и краем, гражданским и «негражданским» обществом, умеренными и радикальными националистическими группами постепенно сократилась. Официальная риторика Украины, дискурс в средствах массовой информации, политика в области культуры и исторической памяти, с учетом ежедневных репортажей с фронта и еженедельных жертв войны, стали более воинственными и патриотическими. В результате этих явлений ранее маргинальные исторические и нынешние украинские крайне правые идеи, лидеры и организации приобрели общественное признание, если не частичную привлекательность для многих не настроенных экстремистски украинских граждан [Мовчан 2018].

В западных демократиях основная политическая разделительная линия сегодня проходит между, с одной стороны, сторонниками, а с другой — противниками культурного и социального либерализма. В сегодняшней же Украине основные политические вопросы, напротив, вращаются вокруг отношения гражданина или его группы к национальной независимости, войне с Россией, коррумпированной олигархической системе и международной ориентации Украины, причем последняя понимается скорее как геополитическое направление, а не нормативно-ценностная позиция[1]. Поскольку ответы на эти вопросы у ультранационалистов и этноцентристов

1 Исключением из этого правила стал инцидент в декабре 2019 года, когда украинская крайне правая студенческая группа представила книгу пропутинского итальянского неофашиста Франко Фреда в Киево-Могилянской академии: [Colborne 2020b]. Хотя до, во время и после Евромайдана было несколько подобных случаев, сотрудничество украинских ультранацио-

Украины во многом схожи с ответами большинства украинских либералов и консерваторов, оба полюса сблизились [Ishchenko 2018].

В январе 2019 года постепенное приближение радикальных правых к украинскому мейнстриму выразилось, например, в открытом присутствии лидера упомянутой неонацистской группки С14 Евгения Карася в составе украинской делегации, которая посетила Вселенский патриархат Константинополя в Стамбуле по случаю предоставления автокефалии новой Православной Церкви Украины [Комендантова 2019]. Публичное участие Карася в официальной церемонии вызвало скандал среди украинских правозащитников и международных наблюдателей правого радикализма в Восточной Европе [Institut Respublika 2019]. Однако этот инцидент не вызвал особого внимания в украинском обществе, которое было более расстроено присутствием сомнительного украинского бизнесмена с криминальным прошлым на церковной церемонии в Стамбуле, чем присутствием Карася, хотя его группка С14 открыто использует фашистские символы [Anti-Equality Monitoring 2019g].

Для молодой демократии в Украине наиболее опасным может в будущем стать, однако, не миниатюрная С14 и даже не «Свобода» или полностью маргинализированный «Правый сектор». Наиболее перспективным проектом на правом фланге сегодня представляется многоликое Азовское движение с его одноименным полком в Национальной гвардии, связями с руководством МВД, партией «Национальный корпус» и «Национальными дружинами» [Жартовская, Кравец 2018; Nonjon 2018c]. Хотя было бы преувеличением классифицировать полк «Азов» как террористическую организацию [Shekhovtsov 2019b], его различные политические и «негражданские» ответвления могут представлять собой самую большую долговременную правоэкстремистскую угрозу для украинского государства [Горбач, Петик 2016]. Азовскому движению в отличие от предыдущих украинских крайне правых проектов удалось создать многомерную современную (и даже частично постмодернистскую) идентичность, которая привлекательна для части украинской молодежи и пользуется поддержкой по всей стране в отличие, например, от «Свободы», которую поддерживают главным образом на западе Украины [Gomza, Zajaczkowski 2019]. Более того, Азовское движение тесно сотрудничает с зарубежными группами единомышленников [Kuzmenko 2019], даже с некоторыми российскими неонацистскими группами [Гриценко 2015; Colborne, Kuzmenko 2019a].

налистов с прокремлевскими группировками западных крайне правых по очевидным причинам оставалось в целом незначительным.

По состоянию на 2020 год партия «Свобода» известнее и организационно сильнее, чем Азовское движение, хотя она была и является важной политической силой лишь в Галиции [Polyakova 2014]. «Правый сектор», в свою очередь, потерял динамизм своего развития после Евромайдана 2014 года. Он превратился в сеть незначительных локальных националистических групп после ухода своего основателя Дмитрия Яроша, который так и не смог превратить свою новую партию «Государственническую инициативу Яроша» в значимую политическую организацию.

Напротив, «Национальный корпус» — ультранационалистическая партия, чей предшественник «Патриот Украины» был основан в Харькове [Yavir 2016]. «Нацкорпус» прошел через внутренний кризис, но все же не пострадал от серьезных расколов [Бабич, Однороженко 2018]. Прежде всего, Азовское движение в целом — динамичный «негражданский» проект, активно продвигающий различные локальные инициативы и развивающий зарубежные контакты [Colborne 2019]. Он стал признанной частью международной правоэкстремистской сцены и поддерживает связи с разными «негражданскими» (в основном расистскими) организациями, в частности, в Соединенных Штатах, Европейском Союзе и Российской Федерации [Nonjon 2018b].

Выводы

Низкая электоральная поддержка украинских крайне правых после Евромайдана и во время войны обнадеживает. Ограниченная популярность украинского партийного ультранационализма особенно заметна на фоне недавних избирательных успехов правых популистов и экстремистов в других европейских странах [Shekhovtsov. Polyakova 2016]. Несмотря на вооруженный конфликт на востоке Украины и как следствие широкое распространение огнестрельного оружия в украинском обществе с 2014 года, крайне правые, как и другие политические деятели с доступом к оружию, воздерживались от его применения во внутриполитических конфликтах. Вопреки как оправданным опасениям, так и ряду явно клеветнических замечаний некоторых наблюдателей, украинский эквивалент феномену немецких «свободных корпусов» (Freikorps) в ранние годы Веймарской республики так и не возник, не говоря уже о серьезной угрозе захвата власти фашистами [Motyl 2015].

Тем не менее есть, по крайней мере четыре особенности украинского ультранационализма после Евромайдана, которые дают повод для беспокойства. Во-первых, в результате продолжающейся войны России против Украины растет общественная терпимость в отно-

шении исторических и современных радикально националистических идей, организаций, действий и лиц в украинском обществе [Anti-Equality Monitoring 2019b; Anti-Equality Monitoring 2019c].

Во-вторых, с 2014 года некоторые крайне правые организации в результате создания добровольческих подразделений получили широкий доступ к оружию, в том числе тяжелому. Некоторые из них по-прежнему контролируют небольшие нерегулярные вооруженные отряды, такие как ДУК «Правого сектора» или «Украинская добровольческая армия» Яроша, хотя такие термины, как «корпус» и «армия», гиперболичны для этих маргинальных военизированных групп.

В-третьих, сохраняется более или менее значимое присутствие крайне правых организаций во внепарламентской партийной политике, гражданском обществе, культурной жизни и частично в местном самоуправлении и международных отношениях Украины [Anti-Equality Monitoring 2019f; Anti-Equality Monitoring 2019d]. Вследствие того что «Свобода» к 2014 году разорвала большую часть связей с крайне правыми партиями в ЕС, украинские ультранационалисты сегодня вовлечены в международную праворадикальную среду в первую очередь через иностранные связи Азовского движения и других, более мелких правоэкстремистских групп [Colborne 2020a].

В-четвертых, в результате большей включенности некоторых ультранационалистических активистов в муниципальную политику и гражданское общество неоднократно возникали случаи официального сотрудничества между некоторыми правительственными учреждениями (такими как Служба безопасности Украины, Министерство ветеранов Украины или местные органы власти), с одной стороны, и крайне правыми группировками, с другой[1].

В целом Украина остается скорее положительным европейским исключением из-за удивительно устойчивого иммунитета ее избирателей в отношении ультраправых партий и как результат низкого влияния радикальных националистов на центральную политику в Киеве [Umland 2013a]. Более того, как указывает Мыкола Рябчук, та поддержка, которой исторические и современные ультранационалистические лидеры и организации пользуются в украинском обществе, часто связана не столько с расизмом и тоталитаризмом их идеологии, сколько с их жесткой позицией и жертвенной борьбой за независимость Украины [Riabchuk 2016; Рябчук 2017]. Тем не менее

1 В Киеве проверять транспорт и документы в карантин будут ультраправые. *Страна.UA*, 21 марта 2020. strana.ua/news/256399-munitsipalnaja-varta-budet-patrulirovat-kiev-i-proverjat-dokumenty.html.

то, что после Революции достоинства общественное присутствие «негражданских» групп в украинской местной и культурной жизни в некоторых аспектах выросло, настораживает. Дифференциация организационного и интеллектуального спектра украинского правого радикализма с 2014 года продолжается [Rabe 2019].

Перечисленные выше явления и все большее общественное принятие исторического украинского ультранационализма (в первую очередь бандеровской фракции Организации украинских националистов 1940-х годов) представляют собой новые важные характеристики современной украинской общественной жизни[1]. Они, как и другие политически неоднозначные тенденции, тесно связаны с гибридной войной России против Украины с 2014 года [Fedor 2015]. В сумме они представляют собой проблематичные черты постмайданной Украины, несущие в себе две опасности: дестабилизацию украинского государства и ухудшение отношений между Киевом и международным сообществом [Umland 2016; Bornio 2018]. При худшем сценарии Украина может в будущем последовать путем антилиберального поворота, который мы наблюдаем в ряде стран Центральной и Восточной Европы.

Библиография / References

На русском:

Белицер Н. (2013) Всеукраинское объединение «Свобода» и его электорат, 2012-2013. *Идеология и политика*, 2(4): 8-92.

— Belitser N. (2013) All-Ukrainian Association “Freedom” and Its Electorate, 2012-2013. *Ideology and Politics*, 2 (4): 8-92. — in Russ.

Васильченко С. (2013) «Свобода» против всех: краткий обзор результатов радикальных правых на выборах 1994-2012. *Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры,* 9 (1): 64-92.

— Vasilchenko S. (2013) “Freedom” Against All: a Brief Overview of the Results of the Radical Right in the 1994-2012 Elections. *Forum of Contemporary Eastern European History and Culture*, 9 (1): 64-92. — in Russ.

Горбач Д., Петик О. (2016) Азовский шлях: как ультраправое движение борется за место в политическом мейнстриме Украины. *Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры,* 13 (1): 179-192.

— Gorbach D., Petik O. (2016) Azov Shlyakh: How the Ultra-Right Movement Fights for a Place in the Political Mainstream of Ukraine. *Forum of Contemporary*

1 См. специальные секции «Issues in the History and Memory of the OUN I-III» в Journal of Soviet and Post-Soviet Politics and Society за 2017-2020 гг., 3(2): 115-290; 4(2): 29-132; 6(1): 185-311 под редакцией Андреаса Умланда и Юлии Юрчук.

Eastern European History and Culture, 13 (1): 179-192. — in Russ.

Гриценко А. (2015) Украинские связи Боевой организации русских националистов: контакты и контексты в до- и постмайданной Украине. *Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры,* 13 (1): 180-193.

— Gritsenko A. (2015) Ukrainian Connections of the Combat Organization of Russian Nationalists: Contacts and Contexts in Pre- and Post-Maidan Ukraine. *Forum of Contemporary Eastern European History and Culture*, 13 (1): 180-193. — in Russ.

Жартовская М., Кравец Р. Национальные дружины: Кто они — националисты, которые возмутили соцсети и угрожают применить силу. *ТСН.ua*. 2 февраля 2018. (https://tsn.ua/ru/politika/nacionalnye-druzhiny-kto-oni-nacionalisty-kotorye-vozmutili-socseti-i-ugrozhayut-primenit-silu-1101500.html)

— Zhartovskaya M., Kravets R. National Squads: Who are They — Nationalists Who Outraged Social Networks and Threaten to Use Force. *TSN.ua*. February 2, 2018. (https://tsn.ua/ru/politika/nacionalnye-druzhiny-kto-oni-nacionalisty-kotorye-vozmutili-socseti-i-ugrozhayut-primenit-silu-1101500.html) — in Russ.

Ищенко В. (2016) Участие крайне правых в протестных событиях Майдана: Попытка систематического анализа. *Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры*, 13 (1): 103-127.

— Ishchenko V. (2016) Participation of the Extreme Right in the Protest Events of the Maidan: An Attempt at a Systematic Analysis. *Forum of Contemporary Eastern European History and Culture*, 13 (1): 103-127. — in Russ.

Комендантова Н. (2019) Лидер радикалов С14 Карась съездил в Стамбул на вручение томоса. *Українські новини*, 8 січня. (ukranews.com/news/606234-lider-radikalov-s14-karas-sezdil-v-stambul-na-vruchenie-tomosa)

— Komendantova N. (2019) The Leader of the Radicals C14 Karas Went to Istanbul to Present the Tomos. *Ukrainian News*, January 8. (ukranews.com/news/606234-lider-radikalov-s14-karas-sezdil-v-stambul-na-vruchenie-tomosa) — in Russ.

Лихачев В. (2013) Место антисемитизма в идеологии и пропаганде Всеукраинского объединения «Свобода». *Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры*, 9 (1).

— Likhachev V. (2013) The Place of Anti-Semitism in the Ideology and Propaganda of the All-Ukrainian Association “Freedom”. *Forum of Contemporary Eastern European History and Culture*, 9 (1). — in Russ.

Лихачев В. (2016) Украинские национал-радикалы против пророссийских «сепаратистов»: уличная война (февраль-май 2014). *Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры*, 13 (1): 128-140.

— Likhachev V. (2016) Ukrainian National Radicals Against Pro-Russian “Separatists”: Street War (February-May 2014). *Forum of Contemporary Eastern European History and Culture*, 13 (1): 128-140. — in Russ.

Панина Н. (2006) Факторы национальной идентичности, толерантности, ксенофобии и антисемитизма в современной Украине. *Вестник общественного мнения*. 1: 26-38.

— Panina N. (2006) Factors of National Identity, Tolerance, Xenophobia and Anti-Semitism in Modern Ukraine. *Public Opinion Bulletin*. 1: 26-38. — in Russ.

Паниотто В. (2008) Динамика ксенофобии и антисемитизма в Украине (1994-2007). *Социология: теория, методы, маркетинг*, 1: 197-213.

— Paniotto V. (2008) Dynamics of xenophobia and anti-Semitism in Ukraine (1994-2007). *Sociology: theory, methods, marketing*, 1: 197-213. — in Russ.

Пуглизи Р. (2015) Герои или злодеи? Добровольческие батальоны в постмайданной Украине. *Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры*, 12 (1): 79-98.

— Puglizi R. (2015) Heroes or Villains? Volunteer Battalions in Post-Maidan Ukraine. *Forum of Contemporary Eastern European History and Culture*, 12 (1): 79-98. — in Russ.

Украинские правые экстремисты во время и после восстания 2013-2014 гг. (2013) *Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры*, 13 (1): 103-206.

— Ukrainian Right-Wing Extremists During and After the 2013-2014 Uprising (2013) *Forum of Contemporary Eastern European History and Culture*, 13 (1): 103-206. — in Russ.

Умланд А. (2008) Крайне слабые. *Корреспондент*, 19 июня. (http://blogs.korrespondent.net/opinions/497561-mnenie-krajne-slabye)

— Umland A. (2008) Extremely Weak. *Correspondent*, June 19. (http://blogs.korrespondent.net/opinions/497561-mnenie-krajne-slabye) — in Russ.

Умланд А. (2016) Добровольческие вооруженные формирования и радикальный национализм в послемайданной Украине: некоторые особенности возникновения полка ‘Азов’. *Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры*, 13 (1): 141-178.

— Umland A. (2016) Volunteer Armed Groups and Radical Nationalism in Post-Maidan Ukraine: Some Features of the Emergence of the Azov Regiment. *Forum of Contemporary Eastern European History and Culture*, 13 (1): 141-178. — in Russ.

Шеховцов А. (2011) *Новые радикальные партии в европейских демократиях: Причины электоральной поддержки*, Stuttgart: ibidem-Verlag.

— Shekhovtsov A. (2011) *New Radical Parties in European Democracies: Reasons for Electoral Support*, Stuttgart: ibidem-Verlag. — in Russ.

Шеховцов А. (2013а) Всеукраинское объединение «Свобода»: Проблема легитимности борьбы за власть. *Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры*, 9 (1): 22-63.

— Shekhovtsov A. (2013a) All-Ukrainian Association “Svoboda”: The Problem of the Legitimacy of the Struggle for Power. *Forum of Contemporary Eastern European History and Culture*, 9 (1): 22-63. — in Russ.

На украинском:

Андрющенко Е.С. (2011) Парамілітарні структури українського націоналістичного руху 90-х рр. XX ст. *Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету,* 30: 42-51.

— Andryushchenko E.S. (2011) Paramilitary Structures of the Ukrainian Nationalist Movement of the 90s of the XX Century. *Scientific Works of the Historical Faculty of Zaporizhia National University*, 30: 42-51. — in Ukr.

Атанасов В. (2011) Особливості націонал-радикальної джинси. *Спільне: журнал соціальної критики*, 13 травня. (https://commons.com.ua/uk/osoblivosti-natsional-radikalnoyi-dzh/)

— Atanasov V. (2011) Features of National-Radical Jeans. *Common: Journal of Social Criticism*, May 13. (https://commons.com.ua/uk/osoblivosti-natsional-radikalnoyi-dzh/) — in Ukr.

Бабич Я. (2018) Рахунок. *Adobe Spark*. 29 мая. (spark.adobe.com/page/72VgF8tikBq6c/)

— Babich J. (2018) Account. *Adobe Spark*. May 29. (spark.adobe.com/page/72VgF8tikBq6c/). — in Ukr.

Бендза Г. (1997) УНА-УНСО: Нове обличчя? *Студії політологічного центру Генеза*, 1: 48-51.

— Bendza G. (1997) UNA-UNSO: A New Face? *Studies of the Genesis Political Science Center*, 1: 48-51. — in Ukr.

Бідочко Л. (2013) Інструменталізація радикальної музики: Про музику праворадикальних гуртів в Україні. *Спільне: журнал соціальної критики*, 12 липня. (https://commons.com.ua/uk/instrumentalizatsiya-radikalnoyi-muzi/)

— Bidochko L. (2013) Instrumentalization of Radical Music: On the Music of Right-Wing Radical Groups in Ukraine. *Common: Journal of Social Criticism*, July 12. (https://commons.com.ua/uk/instrumentalizatsiya-radikalnoyi-muzi/) — in Ukr.

Буткевич М. (2018) Сидіння за одним столом із людожерами дискредитує тих, хто людятину не їсть. *Політична критика*, 28 вересня. (https://politkrytyka.org/2018/09/28/sidinnya-za-odnim-stolom-iz-lyudozherami-diskredituye-tih-hto-lyudyatinu-ne-yist/)

— Butkevych M. (2018) Sitting at the Same Table with Cannibals Discredits Those Who do not Eat Humans. *Political Criticism*, September 28. (https://politkrytyka.org/2018/09/28/sidinnya-za-odnim-stolom-iz-lyudozherami-diskredituye-tih-hto-lyudyatinu-ne-yist/) — in Ukr.

Васильчук Є. (2018) *Правий радикалізм в Україні: Альтернативна стратегія*. Черкаси: Третяков О.М.

— Vasylchuk E. (2018) *Right-Wing Radicalism in Ukraine: Alternative Strategy*. Cherkasy: Tretyakov O.M. — in Ukr.

Галушко К. (2008) І Битий шлях археології до нацизму, або які «теорії» ми обговорюємо? *Новітні міфи та фальшивки про походження українців*, редю Юлія Олійник. Київ: Темпора: 11-28.

— Galushko K. (2008) And The Broken Way of Archeology to Nazism, or What "Theories" Are We Discussing? *The Latest Myths and Fakes about the Origin of Ukrainians*, edited by Yulia Oliynyk. Kyiv: Tempora: 11-28. — in Ukr.

Ганкевич Р. (2017) Праворадикали з С14 побили організатора нападу на Володимира В'ятровича. *Zakhid.net*, 12 June. (https://zaxid.net/pravoradikali_z_s14_pobili_organizatora_napadu_na_volodimira_vyatrovicha_n1428404)

— Hankevych R. (2017) Right-Wing Radicals from C14 Beat the Organizer of the Attack on Volodymyr Vyatrovych. *Zakhid.net*, 12 June. (https://zaxid.net/pravoradikali_z_s14_pobili_organizatora_napadu_na_volodimira_vyatrovicha_n1428404) — in Ukr.

Гладка К., Громаков Д., Миронова В., Плужник О., Покальчук О., Рудих І., Трофимович В., Шевченко А. (2016) *Добробати: Історія подвигу батальйонів, що врятували країну,* Харків: Фоліо.

— Gladka K., Gromakov D., Mironova V., Pluzhnyk O., Pokalchuk O., Rudykh I., Trofimovich V., Shevchenko A. (2016) *Benefits: History of the Feat of Battalions that Saved the Country*, Kharkiv: Folio. — in Ukr.

Ісаюк О. (2015) *Роман Шухевич*, Харків: Клуб сімейного дозвілля.

— Isayuk O. (2015) *Roman Shukhevych*, Kharkiv: Family Leisure Club. — in Ukr.

Кулик В. (1999) *Український націоналізм у незалежній Україні*, Київ.

— Kulyk V. (1999) *Ukrainian nationalism in independent Ukraine*, Kyiv. — in Ukr.

Липовецький С. (2010) *Організація українських націоналістів (бандерівці): фрагменти діяльності та боротьби*, Київ: Українська видавнича спілка.

— Lypovetsky S. (2010) *Organization of Ukrainian Nationalists (Banderites): Fagments of Activity and Struggle*, Kyiv: Ukrainian Publishing Union. — in Ukr.

Ліхачов В. (2018) Чому перебільшення ролі ультраправих в українській революції не менш небезпечне ніж применшення. *Заборона*, 3 травня. (https://zaborona.com/likhachov-column/)

— Likhachev V. (2018) Why Exaggerating the Role of the Far Right in the Ukrainian Revolution is no Less Dangerous than Belittling. Prohibition, May 3. (https://zaborona.com/likhachov-column/) — in Ukr.

Ліхачов В. (2020) *Від Майдану праворуч: Революція, війна и ультраправі в Україні (2013–2016 роки)*, Київ: Критика.

— Likhachev V. (2020) *From the Maidan to the Right: Revolution, War and the Far Right in Ukraine* (2013–2016), Kyiv: Critique. — in Ukr.

Мовчан С. (2018) Праві біля воріт, або перемога громадянського суспільства. *Політична критика*, 28 березня. (https://politkrytyka.org/2018/03/28/pravi-bilya-vorit-abo-peremoga-gromadyanskogo-suspilstva/)

— Movchan S. (2018) Right at the Gate, or the Victory of Civil Society. *Political Criticism*, March 28. (https://politkrytyka.org/2018/03/28/pravi-bilya-vorit-abo-peremoga-gromadyanskogo-suspilstva/) — in Ukr.

Нахманович В. (2016). *Феномен «Свободи»: Виборці радикальних націоналістів у дзеркалі соціології*, Київ: КМІС/ВААД.

— Nakhmanovich V. (2016). *The Phenomenon of "Freedom": Voters of Radical Nationalists in the Mirror of Sociology*, Kyiv: KIIS / VAAD. — in Ukr.

Панченко В.Г. (2011) Легалізація та діяльність ОУН в Україні протягом 1990-х рр. *Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету,* 30.

— Panchenko V.G. (2011) Legalization and Activity of the OUN in Ukraine During the 1990s. Scientific Works of the Historical Faculty of Zaporizhia National University, 30. — in Ukr.

Рябчук М. (2017) Світло від темряви: Андреас Умланд, пам'ять про УПА і євроінтеграція України. *Історична правда*, 14 января. (www.istpravda.com.ua/columns/2017/01/14/149456/)

— Ryabchuk M. (2017) Light from Darkness: Andreas Umland, the Memory of the UPA and the European Integration of Ukraine. *Historical Truth*, January 14. (www.istpravda.com.ua/columns/2017/01/14/149456/) — in Ukr.

Химка І-П. (2019) *Українсько-єврейські взаємини: Від історії до пам'яті*, Київ: Дух і Літера.

— Khimki I-P. (2019) *Ukrainian-Jewish Relations: From History to Memory*, Kyiv: Spirit and Letter. — in Ukr.

Черемис В. (2019) *Моніторинг конфронтації та насильства ультраправих в Україні 15.10.18-15.05.19*, Київ: Інститут «Республіка».

— Cheremis V. (2019) *Monitoring of Confrontation and Violence of the Far Right in Ukraine* 15.10.18-15.05.19, Kyiv: Republic Institute. — in Ukr.

Шеховцов А. (2013b) Всеукраїнське об'єднання «Свобода»: проблема легітимності боротьби за владу. *Україна Модерна*, 20.

— Shekhovtsov A. (2013b) All-Ukrainian Union "Freedom": the problem of legitimacy of the struggle for power. *Modern Ukraine*, 20. — in Ukr.

Штогрін І. (2018) 'С14' Націоналісти-радикали чи неонацисти? *Радіо Свобода*, 19 березня. (https://www.radiosvoboda.org/a/29109819.html)

— Shtogrin I. (2018) 'C14' Radical Nationalists or Neo-Nazis? *Radio Liberty*, March 19. (https://www.radiosvoboda.org/a/29109819.html) — in Ukr.

Щербина С. (2011) Політичні ток-шоу: Як вони це роблять? *Українська Правда*, 7 червня. (http://www.pravda.com.ua/articles/2011/06/7/6275793/)

— Shcherbina S. (2011) Political Talk Shows: How do They Do It? *Ukrainian Pravda*, June 7. (http://www.pravda.com.ua/articles/2011/06/7/6275793/) — in Ukr.

На других языках:

Adamski L. (2017) Kyiv's 'Volhynian Negationism': Reflections on the 2016 Polish-Ukrainian Memory Conflict. *Journal of Soviet and Post-Soviet Politics and Society*, 3 (2).

Aliyev H. (2018) Bewaffnete Freiwilligenbataillone: Informelle Machthaber in der Ukraine. *Ukraine-Analysen*, 205: 2-5.

Anti-Equality Monitoring (2019a) A Tough Weekend for Ukraine's Anti-LGBT 'Excremists'. *Bellingcat*, 25 June. (https://www.bellingcat.com/news/uk-and-europe/2019/06/25/a-tough-weekend-for-ukraines-anti-lgbt-excremists)

Anti-Equality Monitoring (2019b) Calls To 'Fight' LGBT People by Ukrainian Cleric Emblematic of Church's Proximity to Far Right. *Bellingcat*, 21 June. (https://www.bellingcat.com/news/uk-and-europe/2019/06/21/calls-to-fight-lgbt-people-by-ukrainian-cleric-emblematic-of-churchs-proximity-to-far-right/)

Anti-Equality Monitoring (2019c) How to Mainstream Neo-Nazis: A Lesson from Ukraine's New Government. *Bellingcat*, 21 October. (https://www.bellingcat.com/news/uk-and-europe/2019/10/21/how-to-mainstream-neo-nazis-a-lesson-from-

ukraines-new-government/)

Anti-Equality Monitoring (2019d) How to Mainstream Neo-Nazis: A Lesson from Ukraine's C14 and an Estonian Think Tank. *Bellingcat*, 8 August. (www.bellingcat.com/news/uk-and-europe/2019/08/08/how-to-mainstream-neo-nazis-a-lesson-from-ukraines-c14-and-an-estonian-think-tank/)

Anti-Equality Monitoring (2019e) Ukraine's Ministry of Veterans Affairs Embraced the Far Right — With Consequences to the U.S. *Bellingcat*, 11 November. (www.bellingcat.com/news/uk-and-europe/2019/11/11/ukraines-ministry-of-veterans-affairs-embraced-the-far-right-with-consequences-to-the-u-s/)

Anti-Equality Monitoring (2019f) Why is a Leading Estonian Think Tank Working Alongside Ukraine's Far Right? *Bellingcat*, 1 August. (www.bellingcat.com/news/uk-and-europe/2019/08/01/why-is-a-leading-estonian-think-tank-working-alongside-ukraines-far-right/)

Anti-Equality Monitoring (2019g) Yes, It's (Still) OK To Call Ukraine's C14 "Neo-Nazi". *Bellingcat*, 9 August. (https://www.bellingcat.com/news/uk-and-europe/2019/08/09/yes-its-still-ok-to-call-ukraines-c14-neo-nazi/)

Aslund A. (2009) *How Ukraine Became a Market Economy and Democracy*, Washington, DC: Peterson Institute.

Averre D., Wolczuk K. (eds) (2019) *The Ukraine Conflict: Security, Identity and Politics in the Wider Europe*, Abingdon, UK: Routledge.

Backes U., Mudde C. (2000) Germany: Extremism without Successful Parties. *Parliamentary Affairs*, 53 (3): 457-468.

Bakic J. (2013) *Right-Wing Extremism in Serbia. International Policy Analysis*. Berlin: Friedrich Ebert Stiftung. (library.fes.de/pdf-files/id-moe/09659.pdf)

Bauerkämper A., Rossoliński-Liebe G. (eds) (2017) *Fascism without Borders: Transnational Connections and Cooperation between Movements and Regimes in Europe from 1918 to 1945*, New York, NY: Berghahn Books.

Beichelt T., Worschech S. (eds) (2017) *Transnational Ukraine? Networks and Ties that Influence(d) Contemporary Ukraine*. Stuttgart: ibidem-Verlag.

Berman S. (1997) Civil Society and the Collapse of the Weimar Republic. *World Politics*, 49 (3): 401-429.

Bertelsen O. (ed.) (2016) *Revolution and War in Contemporary Ukraine: The Challenge of Change*. Stuttgart: ibidem-Verlag.

Bezruk T., Umland A. (2015) Der Fall Azov: Freiwilligenbataillone in der Ukraine. *Osteuropa*, 65 (1-2): 33-42.

Bornio J. (2018) Israeli-Ukrainian Relations after 'the Euromaidan Revolution': The Holocaust and the New Ukrainian Identity in the Context of the European Aspirations of Ukraine. *Polish Political Science Yearbook*, 47 (2): 331–345.

Boyd R. (2004) *Uncivil Society: The Perils of Pluralism and the Making of Modern Liberalism*, Lanham, MD: Lexington Books.

Burlyuk O., Shapovalova N. (eds) (2018) *Civil Society in Post-Euromaidan Ukraine: From Revolution to Consolidation*. Stuttgart: ibidem-Verlag.

Buscemi F., Duquet N., Golovko E., Woods E. (2018) Illicit Firearms Proliferation in the EU Periphery: The Case of Ukraine. Nils Duquet (ed.) *Triggering Terror: Illicit Gun Markets and Firearms Acquisition of Terrorist Networks in Europe?* Brussels: Flemish Peace Institute: 461-480.

Bustikova L. (2015) Voting, Identity and Security Threats in Ukraine: Who Supports the Radical 'Freedom' Party? *Communist and Post-Communist Studies*, 48 (2): 239-256.

Bustikova L. (2019) *Extreme Reactions: Radical Right Mobilization in Eastern Europe?* Cambridge: Cambridge University Press.

Chambers S., Kopstein J. (2001) Bad Civil Society. *Political Theory*, 29 (6): 837-865.

Colborne M. (2019) There's One Far-Right Movement That Hates the Kremlin. *Foreign Policy*, 17 April. (foreignpolicy.com/2019/04/17/theres-one-far-right-movement-that-hates-the-kremlin-azov-ukraine-biletsky-nouvelle-droite-venner/)

Colborne M. (2020a) Dispatches from Asgardsrei: Ukraine's Annual Neo-Nazi Music Festival. *Bellingcat*, 2 January. (https://www.bellingcat.com/news/2020/01/02/dispatches-from-asgardsrei-ukraines-annual-neo-nazi-music-festival/)

Colborne M. (2020b) Ukraine's Far Right Is Boosting a Pro-Putin Fascist. *Bellingcat*, 22 January. (www.bellingcat.com/news/2020/01/22/ukraines-far-right-is-boosting-a-pro-putin-fascist/)

Colborne M., Kuzmenko O. (2019a) The 'Hardcore' Russian Neo-Nazi Group That Calls Ukraine Home. *Bellingcat*, 4 September. (https://www.bellingcat.com/news/uk-and-europe/2019/09/04/the-hardcore-russian-neo-nazi-group-that-calls-ukraine-home/)

Colborne M., Kuzmenko O. (2019b) Ukrainian Far-Right Extremists Receive State Funds to Teach 'Patriotism'. *Bellingcat*, 16 July. (https://www.bellingcat.com/news/uk-and-europe/2019/07/16/ukrainian-far-right-extremists-receive-state-funds-to-teach-patriotism/)

Coleman H., Hrytsak Ya., Hundorova T., Zaitsev O., Shkandrij M. (2017) A Roundtable on Myroslav Shkandrij's Ukrainian Nationalism: Politics, Ideology, and Literature, 1929–1956. *Canadian Slavonic Papers — Revue Canadienne des Slavistes*, 59 (1-2).

D'Anieri P. (2019) Ukraine and Russia: From Civilized Divorce to Uncivil War, Cambridge: Cambridge University Press.

D'Anieri P., Kuzio T., Harasymiw B., Ilnytzkyj O.S., Bredies I., Umland A., Yakushik V. (eds) (2007) *Aspects of the Orange Revolution*, I-VI. 6 vols, Stuttgart: ibidem-Verlag.

D'Anieri P.J. (ed.) (2010) *Orange Revolution and Aftermath: Mobilization, Apathy, and the State in Ukraine*, Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Dyczok M. (2000) *Ukraine: Movement without Change, Change without Movement*, Abingdon: Routledge.

Dymerskaya-Tsigelman L., Finberg L. (1999) *Antisemitism of the Ukrainian Radical Nationalists: Ideology and Policy* (Analysis of Current Trends in Antisemitism 14), Jerusalem: SICSA.

Falsini S. (2018) *The Euromaidan's Effect on Civil Society: Why and How Ukrainian Social Capital Increased after the Revolution of Dignity*, Stuttgart: ibidem-Verlag.

Fedor J., (ed.) (2015) Russian Media and the War in Ukraine. *Journal of Soviet and Post-Soviet Politics and Society,* 1 (1): 1-300.

Fedorenko K. (2015) The Two Movements: Liberals and Nationalists during Euromaidan. *Ideology and Politics*, 1 (5): 4-35.

Fedorenko K., Umland A. (2019) Zwischen Front und Parlament: Freiwilligenverbände und Parteien in der Ukraine. *Osteuropa*, 69 (3-4): 163–176.

Ferguson J., Jenzen-Jones N.R. (2014) Raising Red Flags: An Examination of Arms and Munitions in the Ongoing Conflict in Ukraine. *Armament Research Services Research Report*, 3. (http://armamentresearch.com/Uploads/Research%20Report%20No.%203%20-%20Raising%20Red%20Flags.pdf)

Flikke G., Kisselyov S. (eds) (2006) *Beyond Recognition? Ukraine and Europe after the Orange Revolution*, Oslo: NUSPI.

Gomza I. (2015) Elusive Proteus: A Study in the Ideological Morphology of the Organization of Ukrainian Nationalists. *Communist and Post-Communist Studies*, 48 (2–3).

Gomza I., Zajaczkowski J. (2019) Black Sun Rising: Political Opportunity Structure Perceptions and Institutionalization of the Azov Movement in Post-Euromaidan Ukraine. *Nationalities Papers,* 47 (5): 774-800.

Grelka F., Radchenko Yu. (eds) (2019) Case Studies on Mass Atrocities and Survival in the Modern History of Ukraine. *Euxeinos: Governance and Culture in the Black Sea Region*, 9 (27).

Griffin R. (2003) From Slime Mould to Rhizome: An Introduction to the Groupuscular Right. *Patterns of Prejudice*, 37 (1): 27-50.

Hale H., Orttung R.W. (eds) (2016) *Beyond the Euromaidan: Comparative Perspectives on Advancing Reform in Ukraine*, Stanford, CA: Stanford University Press.

Hanebrink P. (2018) *A Specter Haunting Europe: The Myth of Judeo-Bolshevism*, Cambridge, MA: Harvard University Press.

Härtel A. (2015) Bandera's Tempting Shadow: The Problematic History of Ukrainian Radical Nationalism in the Wake of the Maidan. *Journal of Soviet and Post-Soviet Politics and Society*, 1 (2): 421–58.

Hauter J. (2019) Delegated Interstate War: Introducing an Addition to Armed Conflict Typologies. *Journal of Strategic Security*, 12 (4): 90-103.

Heinemann-Grüder A. (2019) Geiselnehmer oder Retter des Staates? Irreguläre Bataillone in der Ukraine. *Osteuropa*, 69 (3-4): 51-80.

Hosaka S. (2019) Welcome to Surkov's Theater: Russian Political Technology in the Donbas War. *Nationalities Papers*, 47 (Sp. Issue 5, September): 750-773.

Hrytsak Ya. (2017) Ukrainian Memory Culture Post-1991: The Case of Stepan Bandera. *Journal of Soviet and Post-Soviet Politics and Society*, 3 (2).

Hunter M. (2018) Crowdsourced War: The Political and Military Implications of Ukraine's Volunteer Battalions 2014–2015. *Journal of Military and Strategic Studies*, 18(3): 78-124.

Institut Respublika (2019) *Ultra-Right and Violence in Ukraine: Monitoring Results 14.10.2018 — 14.10.2019*. Berlin: Rosa Luxemburg Stiftung. (www.rosalux.org.ua/images/FINAL_zvit-ENG-print.pdf)

Iovenko A. (2015) The Ideology and Development of the Social-National Party of Ukraine, and its Transformation into the All-Ukrainian Union 'Freedom,' in 1990–2004. *Communist and Post-Communist Studies,* 48 (2): 229-237.

Ishchenko V. (2018) Nationalist Radicalization Trends in Post-Euromaidan Ukraine. *PONARS Eurasia Policy Memo*, 529. (http://www.ponarseurasia.org/memo/nationalist-radicalization-trends-posteuromaidan-ukraine)

Ivakhiv A. (2005) In Search of Deeper Identities Neopaganism and 'Native Faith' in Contemporary Ukraine. *Nova Religio*, 8 (3): 7-38.

Käihkö I. (2018) A Nation-in-the-Making, in Arms: Control of Force, Strategy and the Ukrainian Volunteer Battalions. *Defence Studies*, 18 (2): 147-166.

Kailitz S., Umland A. (2017) Why Fascists Took Over the Reichstag but Have Not Captured the Kremlin: A Comparison of Weimar Germany and Post-Soviet Russia. *Nationalities Papers*, 45 (2): 206-221.

Kailitz S., Umland A. (2019) How Post-Imperial Democracies Die: A Comparison of Weimar Germany and Post-Soviet Russia. *Communist and Post-Communist Studies,* 52 (2): 105-115.

Karagiannis E. (2016) Ukrainian Volunteer Fighters in the Eastern Front: Ideas, Political-Social Norms and Emotions as Mobilization Mechanisms. *Southeast European and Black Sea Studies*, 16 (1): 139-153.

Karmanau Yu. (2016) *War Turns Ukraine into 'Supermarket' for Illegal Weapons*. *AP*, 6 August. (apnews.com/16ffe979bc2947ce9373079264232406/war-turns-ukraine-supermarket-illegal-weapons)

Katchanovski I. (2020) The Far Right, the Euromaidan, and the Maidan Massacre in Ukraine. *Journal of Labor and Society*, 23 (1): 5-29.

Kopecky P., Mudde C. (eds) (2012) *Uncivil Society? Contentious Politics in Post-Communist Europe*, London: Routledge.

Kowal P., Mink G., Reichardt A., Reichardt I. (eds) (2019) *Three Revolutions: Mobilization and Change in Contemporary Ukraine I-II*. 2 vols, Stuttgart: ibidem-Verlag.

Kubicek P. (1999) What Happened to the Nationalists in Ukraine? *Nationalism and Ethnic Politics*, 5 (1).

Kulyk V. (2014) Ukrainian Nationalism since the Outbreak of Euromaidan. *Ab Imperio,* 3: 94-122.

Kuzio T. (1997) Radical Nationalist Parties and Movements in Contemporary Ukraine Before and After Independence: The Right and its Politics, 1989-1994. *Nationalities Papers*, 25 (2): 211-242.

Kuzio T., D'Anieri P. (2018) *The Sources of Russia's Great Power Politics: Ukraine and the Challenge to the European Order*. E-International Relations.

Kuzio T. (2007) *Theoretical and Comparative Perspectives on Nationalism: New Directions in Cross-Cultural and Post-Communist Studies*, Stuttgart.

Kuzmenko O. (2018) Ukrainian Far-Right Fighters, White Supremacists Trained by Major European Security Firm. *Bellingcat*, 30 August. (https://www.bellingcat.com/news/uk-and-europe/2018/08/30/ukrainian-far-right-fighters-white-supremacists-trained-major-european-security-firm/)

Kuzmenko O. (2019) 'Defend the White Race:' American Extremists Being Co-Opted by Ukraine's Far-Right. *Bellingcat*, 15 February. (www.bellingcat.com/news/uk-and-europe/2019/02/15/defend-the-white-race-american-extremists-being-co-opted-by-ukraines-far-right/)

Likhachev V. (2013a) *Right-Wing Extremism in Ukraine: The Phenomenon of "Svoboda"*, Kyiv: EAJC.

Likhachev V. (2013b) Right-Wing Extremism on the Rise in Ukraine. *Russian Politics and Law*, 51 (5): 59-74.

Likhachev V. (2013c) Social-Nationalists in the Ukrainian Parliament: How They Got There and What We Can Expect of Them. *Russian Politics and Law*, 51 (5): 75-85.

Likhachev V. (2015) The 'Right Sector' and Others: The Behavior and Role of Radical Nationalists in the Ukrainian Political Crisis of Late 2013 — Early 2014. *Communist and Post-Communist Studies*, 48 (2): 257-271.

Likhachev V. (2016) The Far Right in the Conflict between Russia and Ukraine. *Notes del l'Ifri: Russie.Nei.Visons*, 95. (https://www.ifri.org/en/publications/notes-de-lifri/russieneivisions/far-right-conflict-between-russia-and-ukraine)

Likhachev V. (2018a) Democracy Study Centre 2018 Lecture. *DSC Team*, 20 December. (www.youtube.com/watch?v=4ob1eu7uziw&t=306s)

Likhachev V. (2018b) Far-right Extremism as a Threat to Ukrainian Democracy. *Freedom House Nations in Transit Brief*, May. (https://freedomhouse.org/report/special-reports/far-right-extremism-threat-ukrainian-democracy)

Luks L. (2004) Vergeblicher Versuch, den Holocaust 'rational' zu erklären. *Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte*, 8 (1): 301–309.

Lushnycky A.N., Riabchuk M. (eds) (2009) *Ukraine on Its Meandering Path Between East and West*, Bern: Peter Lang.

Malyarenko T., Galbreath D.J. (2016) Paramilitary Motivation in Ukraine: Beyond Integration and Abolition. *Southeast European and Black Sea Studies*, 16 (1): 113-138.

Mammone A., Godin E., Jenkins B. (eds) (2012) *Mapping the Extreme Right in Contemporary Europe: From Local to Transnational, Extremism and Democracy*, London: Routledge.

Marples D.R., Mills F.V. (eds) (2015) *Ukraine's Euromaidan: Analyses of a Civil Revolution*, Stuttgart: ibidem-Verlag.

Martsenyuk T., Grytsenko G., Kvit A. (2016) The 'Invisible Battalion': Women in ATO Military Operations in Ukraine. *Kyiv-Mohyla Law and Politics Journal*, 2: 171-187.

Martyniuk A. (2017) Measuring Illicit Arms Flows: Ukraine. *Small Arms Survey Briefing Paper*, April. (www.smallarmssurvey.org/about-us/highlights/2017/highlight-bp-ukraine.html)

McBride J. (2016) Who Is Afraid of Ukrainian Nationalism? *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 17 (3).

McFaul M., Aslund A. (eds) (2006). *Revolution in Orange: The Origins of Ukraine's Democratic Breakthrough*. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace.

Meister S. (2016) Isolation and Propaganda: The Roots and Instruments of Russia's Disinformation Campaign. *Transatlantic Academy Paper Series 6*. (dgap.org/system/files/article_pdfs/meister_isolationpropoganda_apr16_web_1.pdf)

Mierzejewski-Voznyak M. (2018) The Radical Right in Post-Soviet Ukraine. *Jens Rydgren (ed.) The Oxford Handbook of the Radical Right*, Oxford: Oxford University Press: 608-629.

Minkenberg M. (ed.) (2015) *Transforming the Transformation? The East European Radical Right in the Political Process*, London: Routledge.

Moser M. (2013) *Language Policy and Discourse on Languages in Ukraine Under President Viktor Yanukovych (25 February 2010–28 October 2012)*, Stuttgart: ibidem-Verlag.

Motyl A. (2012) Understanding Ukraine's Ultranationalist Support. *World Affairs (web edition)*, 9 December. (https://lingualeo.com/ru/jungle/understanding-ukraine039s-ultranationalist-support-162651)

Motyl A. (2015) Is Ukraine Fascist? *The Huffington Post*, 3 February. (www.huffpost.com/entry/putin-calls-ukraine-fasci_b_6600292)

Mykhnenko V. (2020) Causes and Consequences of the War in Eastern Ukraine: An Economic Geography Perspective. *Europe-Asia Studies*, 72 (3): 528-560.

Nahaylo B. (1994) Ukraine. *RFE/RL Research Report: The Politics of Intolerance*, 3 (16): 42-49.

Nonjon A. (2018a) 'Pro zemliu ridnyy': Eco-nationalisme, Ecologie radicale de droite et Eco-fascisme dans l'espace ukrainien. *Master Thesis*, Universite Paris 8, (www.academia.edu/37673324/ПРО_ЗЕМЛЮ_РІДНИЙ_Eco-nationalisme_Ecologie_radicale_de_droite_et_Eco-fascisme_dans_lespace_ukrainien_A.NONJON_Mémoire_de_Master_2)

Nonjon A. (2018b) L'Ukraine d'Azov: Représentations géopolitiques et stratégie de propagande d'un régiment ultranationaliste ukrainien. *Master Thesis*, Universite Paris 8. (www.academia.edu/37674504/LUkraine_dAzov_représentations_géopolitiques_et_stratégie_de_propagande_dun_régiment_ultranationaliste_ukrainien_A.NONJON_Mémoire_de_Master_1_)

Nonjon A. (2018c) *Natsionalniy Druzhyny, les phalanges du 'Nouvel Ordre' ukrainien?* Kyiv. (www.academia.edu/35957866/Natsionalniy_Druzhyny_les_phalanges_du_Nouvel_Ordre_ukrainien_.pdf)

Olszański T.A. (2011) Svoboda Party: The New Phenomenon on the Ukrainian Right-Wing Scene. *OSW Commentary*, 56. 5 July. (https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/osw-commentary/2011-07-05/svoboda-party-new-phenomenon-ukrainian-right-wing-scene)

Payne L.A. (2000) *Uncivil Movements: The Armed Right Wing and Democracy in Latin America*, Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Pedahzur A., Weinberg L. (2001) Modern European Democracies and Its Enemies: The Threat of the Extreme Right. *Totalitarian Movements and Political Religions*, 2 (1): 52-72.

Petrenko O. (2018) *Unter Männern: Frauen im ukrainischen nationalistischen Untergrund 1944–1954*, Paderborn: Ferdinand Schöningh.

Piotrowski G. (2009) Civil Society, Un-Civil Society and the Social Movements. *Interface: A Journal for and about Social Movements*, 1 (2): 166-189.

Polyakova A. (2014) From the Provinces to the Parliament: How the Ukrainian Radical Right Mobilized in Galicia. *Communist and Post-Communist Studies*, 47 (2): 211–225.

Polyakova A. (2015a) Parties and Subcultures in the Process of Mobilization: The Internal Dynamics of the Radical Right in Ukraine. Minkenberg M. (ed.) *Transforming the Transformation?* London: Routledge: 319-347.

Polyakova A. (2015b) *The Dark Side of European Integration: Social Foundations and Cultural Determinants of the Rise of Radical Right Movements in Contemporary Europe*, Stuttgart: ibidem-Verlag;

Puglisi R. (2015a) General Zhukov and the Cyborgs: A Clash of Civilisation within the Ukrainian Armed Forces. *IAI Working Papers*, 15 (17).

Puglisi R. (2015b) Heroes or Villains? Volunteer Battalions in Post-Maidan Ukraine. *IAI Working Papers*, 15 (8).

Rabe J. (2019) *Rechtsextremismus in der Ukraine: Gruppierungen und ihre Aktivitäten im Überblick*, Berlin: Rosa Luxemburg Stiftung.

Radchenko Yu. (2015) Staryi Uhryniv to Munich: The First Scholarly Biography of Stepan Bandera. *Journal of Soviet and Post-Soviet Politics and Society*, 1 (2): 411–458.

Ramet S. (ed.) (1999) *The Radical Right in Central and Eastern Europe Since 1989*. University Park, PA: Pennsylvania State University Press.

Riabchuk M. (2016) Ukraine's Turbulent Past Between Hagiography and Demonization. *Raam op Rusland*, 2 November. (raamoprusland.nl/dossiers/oekraine/311-ukraine-s-turbulent-past-between-hagiography-and-demonization)

Risch W.J. (2015) What the Far Right Does Not Tell Us about the Maidan. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History,* 16 (1): 137-144.

Rossoliński-Liebe G. (2014) *Stepan Bandera: The Life and Afterlife of a Ukrainian Nationalist. Fascism, Genocide, and Cult*, Stuttgart: ibidem-Verlag.

Rossoliński-Liebe G. (ed.) (2020). Conceptualizations of the Holocaust in Germany, Poland, Lithuania, Belarus, and Ukraine: Historical Research, Public Debates, and Methodological Disputes. *East European Politics and Societies and Cultures*, 34 (1).

Rudling P.A. (2006) Organized Anti-Semitism in Contemporary Ukraine: Structure, Influence, and Ideology. *Canadian Slavonic Papers,* 48 (1-2): 81-119.

Rudling P.A. (2012) Anti-Semitism and the Extreme Right in Contemporary Ukraine. *Mammone, Godin, and Jenkins. Mapping the Extreme Right in Contemporary Europe*: 189-205.

Rudling P.A. (2013) The Return of the Ukrainian Far Right: The Case of VO Svoboda. Ruth Wodak, John E. Richardson (eds) *Analyzing Fascist Discourse: European Fascism in Talk and Text*, London: Routledge.

Rudling P.A. (2016a) Dispersing the Fog: The OUN and Anti-Jewish Violence in 1941. *Yad Vashem Studies*, 44 (2).

Rudling P.A. (2016b) The Cult of Roman Shukhevych in Ukraine: Myth Making with Complications. *Fascism: Journal of Comparative Fascist Studies*, 5 (1): 26–65.

Rudling P.A. (2017) Yushchenko's Fascist: The Bandera Cult in Ukraine and Canada. *Journal of Soviet and Post-Soviet Politics and Society*, 3 (2).

Rudling P.A. (2019) Eugenics and Racial Anthropology in the Ukrainian Radical Nationalist Tradition. *Science in Context*, 32: 67-91.

Rudling P.A. (2020) *Tarnished Heroes: The Organization of Ukrainian Nationalists in the Memory Politics of Post-Soviet Ukraine*, Stuttgart: ibidem-Verlag.

Sergackova E. (2015) Freiwillig: Kleines Who's Who ukrainischer Bataillonskommandeure. *Osteuropa*, 65 (1-2): 23-32.

Shapovalova N. (2018) The Two Faces of Conservative Civil Society in Ukraine. *Carnegie Europe*, 4 October. (carnegieeurope.eu/2018/10/04/two-faces-of-conservative-civil-society-in-ukraine-pub-77374)

Shekhovtsov A. (2011) The Creeping Resurgence of the Ukrainian Radical Right? The Case of the Freedom Party. *Europe-Asia Studies*, 63 (2): 203-228.

Shekhovtsov A. (2013a) From Para-Militarism to Radical Right-Wing Populism: The Rise of the Ukrainian Far-Right Party Svoboda. Wodak R., Mral B., KhosraviNik M. (eds) *Right Wing Populism in Europe: Politics and Discourse*, London: Bloomsbury Academic: 249-263.

Shekhovtsov A. (2013b) The Ukrainian Revolution Is European and National. *Eurozine*, 13 December. (www.eurozine.com/the-ukrainian-revolution-is-european-and-national/)

Shekhovtsov A. (2014) From Electoral Success to Revolutionary Failure: The Ukrainian Svoboda Party. *Eurozine*, 5 March. (http://www.eurozine.com/articles/2014-03-05-shekhovtsov-en.html/)

Shekhovtsov A. (2015) "The Ukrainian Far Right and the Ukrainian Revolution. Irina Vainovski-Mihai (ed.) *N.E.C. Black Sea Link Program Yearbook 2014-2015*, Bucharest: New Europe College: 216-237.

Shekhovtsov A. (2019a) Radikale Parteien, irreguläre Verbände: Ukrainische Milizen aus dem rechtsextremistischen Milieu. *Osteuropa*, 69 (3-4): 149–162.

Shekhovtsov A. (2019b) Why Azov Should not Be Designated a Foreign Terrorist Organization. *Ukraine Alert*, 24 February. (atlanticcouncil.org/blogs/ukrainealert/why-azov-should-not-be-designated-a-foreign-terrorist-organization/)

Shekhovtsov A., Polyakova A. (2016) On the Rise: Europe's Fringe Right. *World Affairs*, 179 (1): 70-80.

Shekhovtsov A., Umland A. (2013) Ultraright Party Politics in Post-Soviet Ukraine and the Puzzle of the Electoral Marginalism of Ukrainian Ultranationalists in 1994-2009. *Russian Politics and Law*, 51 (5): 33-58.

Shekhovtsov A., Umland A. (2014) Ukraine's Radical Right. *Journal of Democracy*, 25 (3): 58-63.

Shkandrij M. (2015) *Ukrainian Nationalism: Politics, Ideology, and Literature, 1929-1956*, New Haven, CT: Yale University Press.

Shukan I. (2020) Defending Ukraine at the Rear of the Armed Conflict in Donbas: Wartime Vigilantism in Odesa (2014–2018). *Laboratorium*, 11 (3): 71-104.

Solchanyk R. (1999) The Radical Right in Ukraine. *Ramet. The Radical Right in Central and Eastern Europe Since 1989.*

Soroka G., Stepniewski T. (eds) (2018) *Ukraine after Maidan: Revisiting Domestic and Regional Security*, Stuttgart: ibidem-Verlag.

Stepanenko V., Pylynskyi Ya. (eds) (2015) *Ukraine after the Euromaidan: Challenges and Hopes*, Bern: Peter Lang.

Stojarová V. (2016) *The Far Right in the Balkans*, Manchester: Manchester University Press.

Struve K. (2015) *Deutsche Herrschaft, ukrainischer Nationalismus, antijüdische Gewalt: Der Sommer 1941 in der Westukraine*, München: DeGruyter-Oldenbourg.

Toal G. (2016) *Near Abroad: Putin, the West and the Contest over Ukraine and the Caucasus*, Oxford: Oxford University Press.

Umland A. (2008a) Der Begriff der 'unzivilen Gesellschaft' als Instrument der historischen und aktuellen Rechtsextremismusforschung. *Forschungsjournal Neue Soziale Bewegungen*, 21 (4): 63-67.

Umland A. (2008b) Die andere Anomalie der Ukraine: ein Parlament ohne rechtsradikale Fraktionen. *Ukraine-Analysen*, 41.

Umland A. (2009) Orange Revolution als Scheideweg: Demokratisierungsschub in der Ukraine, Restaurationsimpuls in Russland. *Osteuropa,* 59 (11): 109-120.

Umland A. (2010) Does Yanukovich's Coalition Government Have a Popular Mandate? The 'Tushki' and Decline of Ukrainian Representative Democracy. *Foreign Policy Journal*, 27 March. (www.foreignpolicyjournal.com/2010/03/27/does-yanukovichs-coalition-government-have-a-popular-mandate/)

Umland A. (2011) Ukraine Right-Wing Politics: Is the Genie out of the Bottle? *Open Democracy*, 3 January. (http://www.opendemocracy.net/od-russia/andreas-umland/ukraine-right-wing-politics-isgenie-out-of-bottle)

Umland A. (2013a) A Typical Variety of European Right-Wing Radicalism? *Russian Politics and Law*, 51 (5): 86-95.

Umland A. (2013b) Starting Post-Soviet Ukrainian Right-Wing Extremism Studies from Scratch: Guest Editor's Introduction. *Russian Politics and Law*, 51 (5).

Umland A. (ed.) (2013c) Post-Soviet Ukrainian Right-Wing Extremism. *Russian Politics and Law*, 51 (5): 3-95.

Umland A. (2014) The Right-Wing Extremisms of Post-Soviet Russia and Ukraine, 1991-2014: Hypotheses on Differences in Their Permutation and Performance. *Presentation to the Danyliw Seminar on Contemporary Ukraine*, University of Ottawa, 2 November.

Umland A. (2016) How Moscow Is Subverting Ukraine's Bid for Freedom. *Foreign Policy*, 26 February. (foreignpolicy.com/2016/02/26/how-moscow-is-subverting-ukraines-bid-for-freedom/)

Umland A. (2016) Oekraïnes herdenkingspolitiek belemmert Europese integratie. *Raam op Rusland*, 29 September. (raamoprusland.nl/dossiers/oekraine/285-oekraines-herdenkingspolitiek-belemmert-europese-integratie)

Umland A. (2019a) Irregular Militias and Radical Nationalism in Post-Euromaidan Ukraine: The Prehistory and Emergence of the 'Azov' Battalion in 2014. *Terrorism and Political Violence*, 31 (1): 105-131.

Umland A. (2019b) Will Ukraine's Far-Right Parties Fail Again in 2019? *Forum for Ukrainian Studies*, 14 March. (ukrainian-studies.ca/2019/03/14/will-ukraines-far-right-parties-fail-again-in-2019/)

Umland A., Zaitsev O. (eds) (2015) The Ukrainian Radical Right in Past and Present: Studies in Ideology, Memory and Politics. *Communist and Post-Communist Studies*, 48 (2-3): 169–271.

Wilson A. (2006) *Ukraine's Orange Revolution*, New Haven, CT: Yale University Press.

Wilson A. (2014) *Ukraine Crisis: What It Means for the West*, New Haven, CT: Yale University Press.

Wodak R., Mral B., KhosraviNik M. (eds) (2013) *Right Wing Populism in Europe: Politics and Discourse*, London: Bloomsbury Academic.

Wodak R., Richardson J.E. (2013) *Analysing Fascist Discourse: European Fascism in Talk and Text*. Routledge.

Wood E.A. et al. (2016) *Roots of Russia's War in Ukraine*, New York, NY: Woodrow Wilson Center Press.

Wynnyckij M. (2019) *Ukraine's Maidan, Russia's War: A Chronicle and Analysis of the Revolution of Dignity*, Stuttgart: ibidem-Verlag.

Yakovchenko O. (2012) Re-Consider the Inclusion of Svoboda into the CAD: Open Letter to the Leaders of Ukraine's Democratic Opposition Regarding the Inclusion of the "Svoboda" Party into the Committee Against Dictatorship. *Change.org*, 1 April, (www.academia.edu/12935216/Re-consider_the_inclusion_of_Svoboda_into_the_CAD_Open_Letter_to_the_Leaders_of_Ukraines_Democratic_Opposition_Regarding_the_Inclusion_of_the_Svoboda_Party_into_the_Committee_Against_Dictatorship)

Yavir I. (2016) *Time to Party for Azov. Reft<>Light*, 11 October. (http://reftlight.euromaidanpress.com/2016/10/11/time-party-azov/)

Yurchuk Yu. (2017) Rivne's Memory of Taras Bul'ba-Borovets': A Regional Perspective on the Formation of the Founding Myth of the UPA. *Journal of Soviet and Post-Soviet Politics and Society*, 3 (2).

Yurchuk Yu. (2017) Reclaiming the Past, Confronting the Past: OUN-UPA Memory Politics and Nation-Building in Ukraine (1991-2016). Julie Fedor, Markku Kangaspuro, Jussi Lassila, Tatiana Zhurzhenko (eds) *War and Memory in Russia, Ukraine, and Belarus*, New York: Palgrave Macmillan: 107–137.

Zaitsev O. (2013) Ukrainian Integral Nationalism in Quest of a 'Special Path' (1920s–1930s). *Russian Politics and Law*, 51 (5).

Zaitsev O. (2015a) De-Mythologizing Bandera: Towards a Scholarly History of the Ukrainian Nationalist Movement. *Journal of Soviet and Post-Soviet Politics and Society*, 1 (2): 411-420.

Zaitsev O. (2015b) Fascism or Ustashism? Ukrainian Integral Nationalism of the 1920s–1930s in Comparative Perspective. *Communist and Post-Communist Studies*, 48 (2–3).

Zajaczkowski J. (2019) Homogenität und Fragmentierung: Ukrainische Freiwilligenbataillone im Wandel. *Osteuropa*, 69 (3-4): 81-102.

Рекомендация для цитирования:

Умланд А. (2021) Постсоветский украинский правый радикализм в сравнительной перспективе. *Социология власти*, 33 (2): 80-116.

For citations:

Umland A. (2021) A Comparative Perspective on Post-Soviet Ukrainian Right-wing Radicalism. *Sociology of Power*, 33 (2): 80-116.

Поступила в редакцию: 11.03.2021; принята в печать: 20.05.2021

Received: 11.03.2021; Accepted for publication: 20.05.2021